

Олег Аббакумов

ШАГ ВПЕРЕД

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. - Молись!

А Блок

Сквозь прорехи в облаках сверкали звезды, и тускло светила бледная луна. По улицам стелился редкий в этих краях туман. Город спал, лишь в редких окнах еще горел свет, да откуда-то доносились чьи-то пьяные озлобленные голоса.

Опершись о перила балкона, Иван с высоты седьмого этажа созерцал двор, туман и небо. Рядом пристроилась белая с надписью "Папа" кружка чая и чуть в стороне дымила тлеющим окурком пепельница.

Взгляд на часы – половина первого. Пора.

Иван бесшумно зашел в комнату сына. Сашка, которому этой зимой стукнуло пятнадцать, спал, зарывшись лицом в подушку.

- Вставай, лежебока. Пора, - Отец легонько похлопал его по плечу.

- А? Что? - парень сел на кровати, протер глаза, глянул на часы, - Пора уже?

- Да. Собирайся.

Санька вскочил с кровати, и помчал в ванную. Иван вернулся на балкон и закурил. Сам он был давно собран. В коридоре стоял у входной двери рюкзак, рядом зачехленный охотничий карабин Сайга МК03.

Не успел он докурить сигарету, как появился сын, затянутый с ног до головы в камуфляж, с рюкзаком за спиной.

- Я готов, папа.

- Попрыгай.

Санька несколько раз подпрыгнул. Что-то тихонько брякнуло.

- Ой, - виновато сказал сын.

- Вот тебе и "ой", снимай рюкзак.

Сын послушно скинул рюкзак.

- Попрыгай.

Опять что-то тихонько брякнуло.

- Выворачивай карманы, горе ты мое.

Саша понял его буквально и на пол посыпались пистолетные гильзы. Ну да, они же вчера на стрельбище ходили.

- Ну, ты мозг. Собирай теперь и быстрее. А то опоздаем.

Пока сын собирал гильзы, Иван закрыл дверь на балконе, погасил свет, подхватил с пола рюкзак и карабин.

- Пойдем, оболтус.

Тусклый свет уцелевших лампочек, вонючий лифт, ступени, скрип петель. Дом остался за спиной.

Через полчаса добрались до места сбора – небольшой рощицы на окраине города. Отец и сын вышли на поляну. Тут их уже ждали. Семь человек сидели прямо на земле вокруг сложенных кучей рюкзаков и о чем-то тихо переговаривались. Чуть в стороне стоял и изучал карту, подсвечивая фонариком, командир группы – Семен.

Иван кивнул группе, мужики приветственно загалдели. Санька сразу же плюхнулся рядом с ними, а отец подошел к командиру.

- Здорово, Михалыч.

- Привет, Ваню. Сейчас еще Серый с Одуванчиком подтянутся и выдвигаемся, - Семен пожал протянутую руку.

- Что еще за Одуванчик?

- Ты газет не читаешь что ли?

- Не читайте с утра советских газет... У меня интернет есть, я там все новости узнаю, - Иван закурил.

- Ну, в инете он тоже есть. Неужели не слышал? Сергей Одуванчиков матерый журналюга.

- Журналюга... - протянул Иван.

- Да, вроде нормальный мужик. Он в местной газете работает. С говном мешает московский гламурных петухов. Кореш Серого, кстати.

- Нахрена он нам?

- Да, он хочет статью про нас-параноиков написать в местную газету, ну и в инет тоже. Материал, говорит, интересный, - Семен посмотрел на часы, - Из графика выбиваемся, кстати. Камрад уже своих вывел, поди.

- Ну, так, а чего ты хотел, Одуванчик же.

- О, легки на помине. Сережи ну и рожи, - Семен хохотнул собственной шутке.

Одуванчик Ивану не понравился. Какой-то шуплый нескладный тип в очках. По виду, самый натуральный ботаник, да еще из таких, что считают себя умнее и лучше других, в каждой бочке затычка. А на деле просто зазомбированный ящиком овощ, да еще и гнилой.

К тому же журналист. А эту братию Иван совсем не жаловал. Странно, Одуванчик друг Серого. Серега был по всем понятиям нормальный мужик и вроде как с падалью не общался. Это вселяло некоторую надежду на то, что первое впечатление обманчивое и Одуванчик нормальный пацан.

- Здорово, парни, - Серый протянул руку, - Знакомьтесь, это Серега Одуванчиков. Серега, это Иван и Семен.

Одуванчик пожал им руки, добавляя к каждому рукопожатию "Сергей. Очень приятно".

- Ничего не бренчит у твоего Одуванчика?

- Не, я его сам собирал, - Серый довольно улыбнулся.

- Значит так, гражданин журналист, под ногами не путаться, делать, что скажут, если отстанешь - мы тебя ждать не будем. Доступно излагаю?

- Более чем, гражданин начальник. Фотографировать и брать интервью у бойцов можно?

- Если это не будет идти вразрез с тем, что я сказал, по поводу не мешать. Все, выдвигаемся.

Семен подошел к сидящим в кружке мужикам.

- Господа-товарищи выживальщики,- мужики сразу замолчали и повернули к нему головы, - Подъем. Труба зовет. Сверим часы.

Сверили. Попрыгали, ни у кого ничего не бренчало.

- Так. Серый, на тебе разведка. Ваню, ты будешь замыкающим. Идем колонной на расстоянии трех метров друг от друга. Одуванчик, ты можешь идти с кем-нибудь в паре, брать свои интервью. Маршрут все знаете. Все. Выдвигаемся. И никакого курева на марше.

Группа, выстроившись, двинула прямо в лес. Иван и Сашка шли в конце. Одуванчик, сделав пару снимков, пристроился рядом.

Вот ведь незадача. Ивану совсем не хотелось общаться с журналистом, но не посылать же его к чертям.

- Не против, если я задам пару вопросов?

- Думаю, их будет не пара. Да что уж там, задавай. Только под ноги смотри.

- Я включу диктофон, хорошо?

- Хорошо, - обреченно вздохнул Иван.

- Вас зовут Иван, я правильно понял?

- Да.

- И вы, выживальщик?

- Ага.

- Что для вас это?

- А тебе Серый не говорил, чем мы тут занимаемся?

- Говорил, но я все же хотел бы услышать вашу точку зрения по этому вопросу.

- Готовимся выживать. С термином БП знаком?

- Большой писец? Ну, кто ж сейчас с ним незнаком...

- Попадаются. Ну вот значит, мы готовимся выживать в случае наступления этого самого песка. Неважно, каким он будет. Война, революция, беспорядки или что-то еще. Вот сейчас мы отрабатываем эвакуацию из города.

- Так ведь, в случае войны, надо не эвакуироваться, а воевать.

- Это если правительство решило защищать страну. Тогда да, надо идти в военкомат добровольцем и шуровать на фронт бить врага. А если правительство сдало страну без единого выстрела, тогда надо эвакуироваться и партизанить.

- Вы так уверены в таком пессимистичном сценарии?

- Я его допускаю, - Иван догадывался, в каком ключе пойдет дальше их разговор. Сейчас журналист спросит, не параноик ли он, и играл ли он в детстве в войнушку. Потом напомним о позитивных заверениях премьера или президента, что все будет хорошо, отлично и веселей, чем прежде.

- Насколько я знаю, сейчас в Интернете очень активно обсуждаются оба эти варианта. А вот в официальных СМИ, только первый, да и тот вскользь. Намеками. А какие еще варианты вы не исключаете? - Одуванчиков споткнулся, чуть не растянувшись, и еле слышно выругался.

- Варианты я перечислил выше. Кроме войны, массовых беспорядков и революций вполне возможны техногенные катастрофы из-за прохудившейся инфраструктуры. Всем известно, что денег на ремонтные работы не выделяют после начала кризиса. А до Кризиса выделяли крохи, да и те частенько оседали в чьих-то карманах. Так что в случае техногенной катастрофы, эвакуироваться из города будет нелишним. Тем более, что у нас тут нефтеперерабатывающий завод под боком, - Иван усмехнулся.

- Не сложно жить постоянно в ожидании БП? Словно с подвешенным над головой топором.

- Ну как сказать... Если особо на этом не заморачиваться, то несложно. Я просто настолько свыкся с этой мыслью, что уже не страшит, ну или даже не знаю, как выразиться... Грядущий БП стал, ну как приезд нелюбимой тещи. Неприятно, но надо просто пережить. Хотя иногда начинаешь думать, скорей бы уж... Особенно, когда смотришь выпуски новостей - удалось таки журналогу его разговорить.

- А вас не смущает, что большая часть общества считает вас параноиками и просто людьми не доигравшими в детстве в войнушку?

Ну вот, журналист все же дошел до паранойи и войнушки. Что ж... Не ударим в грязь лицом.

- Нет, не смущает. А вас не смущает, что большая часть общества не любит журналистов и считает их продажными?

- Ха! Пусть это будут проблемы продажных журналистов, - Одуванчик и не думал обидеться. Достав из нагрудного кармана сигареты и зажигалку, он закурил. Огонек зажигалки осветил его улыбающееся лицо.

- Сигарету потуши. Демаскируешь. Не слышал Семена? Никакого курева на марше

- Извиняюсь, - Одуванчик торопливо затушил сигарету, - А вот что вы мне можете сказать по поводу Красных Квадратов¹? Некоторые люди считают их чем-то вроде секты.

- Ну почему сразу секта? На сколько я знаю у Серого тоже есть черный номер на красном фоне. Он похож на сектанта? Вы ж вроде как друзья. Просто люди любят свою Родину, и готовы защищать ее от врагов любой ценой. Не более, но и не менее. Готовы даже разменять свою жизнь на жизнь хотя бы одного врага.

- Историю Квадратов я знаю, просто было интересно ваше мнение. Вы ведь тоже состоите в Красноквадратцах?

- Нет. Я и без Красной нашивки с номером как-то обходился. Меня еще в детстве воспитали, что Родину надо защищать.

- Так что же, это, по-вашему, просто показуха?

- Где я это сказал? Просто, на мой взгляд, большая часть людей, нацепивших квадрат обычные обыватели, которые ранее не задумывались ни о проблемах безопасности Родины, ни о своем Долге перед ней. А потом в один прекрасный момент осознали и приняли для себя решение. А квадрат? Это просто способ обозначить свою позицию. Когда у человека меняется мировоззрение, то ему нужно за что-то зацепиться. Почему бы не за Красный квадрат? Плюс, это то, что их объединяет. Символ. Знамя, если хотите.

- Как я понял, движение Квадратов выросло из среды выживальщиков?

- Да и нет. Я бы сказал, что Красные квадраты были популярны в среде выживальщиков. Тут был обоюдный процесс. Новоиспеченные квадраты вливались в общество выживальщиков. И наоборот.

- Насколько я знаю идеологию квадратов – основной посыл там, разменять свою жизнь на жизнь врага? Разве это не противоречит выживанию? Ведь в свое время было столько жарких споров.

- Ну, может, для кого-то одно другому и противоречит. А по мне так все там нормально. Выживальщик, он ставит задачу выжить во время катаклизмов, социальных в том числе. А Квадрат... Он ставит задачу выжить, чтобы дать отпор врагу. Например, если ракетным ударом разрушило дамбу, то сначала, надо просто пережить эту катастрофу. А потом уже можно и воевать. Да и вообще. Квадрат, это не всегда выживальщик. А выживальщик, не обязательно имеет красный квадрат с личным номером. Так что тут не о чем спорить.

Разговор затих сам собой. Иван вслушивался в ночь и периодически оглядывался, его задача, как замыкающего, заключалась в том, чтобы пасти не пристроился ли кто за группой.

Но все было тихо и спокойно. Тихонько шелестел лес, хрустнула под ногой ветка. Одуванчик ушел вперед и прицепился со своими расспросами к Сержанту. Сержант живо включился в разговор, помогая себе жестами и мимикой.

Как же все-таки хорошо в лесу. Пусть даже несколько прохладно и по земле стелется туман. Иван с детства любил бродить по лесам. Что может быть лучше, чем забрести в сердце чащоб, вдохнуть полной грудью свежий воздух, вслушаться в лесные шорохи, поднять голову к небу и увидеть качающиеся кроны деревьев над головой?

Здесь нет грязной политики, кровавых войн и мировых кризисов. Они не трогают лес, если только не считать, увеличившегося количества людей, ищущих себе здесь пропитание охотой и собирательством. Или просто пришедших сюда умирать, такие тоже встречались. Иван не мог их осуждать.

Здесь только пение птиц, шелест листьев, да россыпь звезд над головой. И лишь только Одуванчик со своими расспросами напоминает, о сжимающемся вокруг Родины кольце

---

¹ Красные Квадраты – общественное движение, зародившееся в 2008 году в Интернете. Основной их идеей было – защищать свою Родину любой ценой и не жалея собственной жизни. Эмблема движения – индивидуальный черный номер на красном фоне. Основатель движения писатель Беркем аль Атоми

вражин, охочих до чужого добра. Ими движет только одно желание, загрести побольше ресурсов. Старо как мир. Все войны всегда велись из-за земли и ресурсов, но под прикрытием идеологий. Сейчас такое прикрытия это права человека и борьба с международным терроризмом. Эх... Тьфу, ты, блин. Все очарование лесом как рукой сняло. Враги, кризис, паранойя... паранойя ли?

К движению выживальщиков Иван прибил где-то с полтора года назад. Кризис тогда во всю набирал обороты, хотя по телевизору говорили, что он достиг своего дна и теперь все начинает налаживаться. Но, Иван всегда знал, что телевизору верить нельзя.

И тогда он понял, что надо что-то делать. Начал просто с запасов продуктов, на случай увольнения. Случай ждать себя не заставил, но у него еще было множество халтур, на которые можно было безбедно жить какое-то время. Но чем дальше в лес, тем толще партизаны.

Чем дольше кризис, тем меньше денег у населения, и рано или поздно количество подработки сократится до нуля. Но пока пособия и халтурных денег хватало. И Иван делал запасы. Плюс очень здорово выручало подсобное хозяйство. Картошечка там, яблоки... Выращивал все, что росло.

Держал бы еще и скотину на даче, да времени на нее надо было много и сил.

А в один прекрасный день, критическим взглядом оглядев свои запасы, он понял, что по уму их с сыном это ни от чего не спасет. Поможет только продержаться какое-то время и только.

А потом на одной из халтур он познакомился с Семеном. Нормальный обыватель сказал бы про этого человека, что он параноик. Да и среди своих он и слыл под этим прозвищем. Как он говорил, потому что был самым «параноистым» из параноиков-выживальщиков.

За бутылкой Семен расписал все возможные варианты прихода БП. И Иван ему поверил. Семен рассказал и как можно пережить это. А сможет это сделать только сплоченная группа. Одиночки обречены. Он рассказал и про Красных Квадратов. Людей. Готовых в случае войны сражаться за свою Родину до последнего патрона, до последней капли крови.

Так Иван стал выживальщиком. Теперь он не просто тупо набивал кладовки едой. Он запасался патронами, инструментом, и прочими необходимыми в случае краха инфраструктуры и общества вещами. Всего было не предусмотреть, но береженого известно кто бережет. Иван регулярно посещал собрания выживальщиков. Там обсуждали новости в стране и в мире, тренировались, отрабатывая оказание первой помощи, тушение пожара, эвакуацию и даже экстремальное вождение.

Целью сегодняшней тренировки было отработать эвакуацию из города двумя группами, встречу в заранее оговоренном месте и обустройство временной базы. Две группы должны были стартовать из разных пунктов и по заготовленным заранее маршрутам двигаться к заброшенному цементному заводу.

***

К середине ночи Одуванчик уже не брал ни у кого интервью, а думал только о том, когда же, черт возьми, привал. Длительный переход ночью по лесу еще то удовольствие. Ноги гудят. Лоб горит – неудачно хлестнуло веткой по лицу, не видно же в темноте ничего. Спать хочется до отупения. И комары заели.

А еще вчера он думал, что это отличная идея – взять у выживальщиков интервью, так сказать, в полевых условиях. Свежий воздух, лес, интересный материал.

Но все же... он не жалел об этом. Будет что вспомнить, ведь не каждый день оказываешься в лесу в обществе вооруженных параноиков. Семен, правда, попросил его в статье написать, что все их оружие было просто ММГ². Так и напишем, нам не жалко.

Параноиками эти товарищи тоже не казались. Нормальные мужики. Ну, немного сдвинуты на грядущем БП. Но это лучше, чем какие-нибудь сектанты, типа Аум Синрикё, травящие людей газом в метро. Вот к таким типам он бы брать интервью не пошел. А выживальщики...

---

² ММГ - макет массогабаритный

они даже в чем-то правы. Как говорится, запас карман не тянет, а мир меняется быстрее, чем люди. А в нашей стране так вообще все может резко измениться за один день. В августе девяносто восьмого он бы многое отдал, чтобы у его родителей были запасы продуктов питания.

Одуванчик улыбнулся, неужели паранойя заразна?

По цепочке предали команду «Стоп». Мужики подтянулись к Семену и появившемуся из темноты Серому, а Одуванчик, плюнув на любопытство, уселся на поваленное бревно и вытянул гудящие ноги. Глянул на часы – почти пять утра.

Наслаждаться покоем ему пришлось не долго, отряд возобновил свое движение. Усилием воли, подняв себя на ноги, Одуванчик занял свое место в цепочки. Думать вообще ни о чем не хотелось, он просто уперся взглядом в спину впередиидущего, и на автомате перебирал ногами.

Подошел Серый.

- Ты ж в разведке или как? – спросил Одуванчик друга.

- Я везде. Ты как?

- Меня заражает паранойя.

- Нормально, - Серый ухмыльнулся, - Устал?

- Терпимо, - Одуванчик запнулся о корень и чуть не упал, - Видишь, с ног валюсь.

- Сейчас взбодрись... или проклянешь все на свете.

- Что еще такое?

- Увидишь, не хочу портить сюрприз, - сказал Серый и ушел вперед.

Минут через десять пути Одуванчик увидел сюрприз.

- Твою ж мать... - только и сказал он, когда отряд вышел на берег реки.

Ни моста, ни брода. И вода холодная. В детстве он часто ездил на велосипедах с друзьями на эту речку поудить рыбу и искупаться. И даже в самое жаркое время года, вода здесь была холодной.

- Взбодрись, значит, ага...

- Тяжело в учении, - сказал подошедший Иван.

- Значит, вплавь? – спросил его Одуванчик.

- Ну, а как еще.

- А оружие и пожитки? Не намокнут?

- Специально для них у нас есть надувной матрас, - Иван закурил.

- Понятно.

Перспектива лезть в холодную воду не радовала.

- Значит так, мужики, - Семен встал у самой кромки воды, - Камрад передавал, что он уже давно переправился на ту сторону. Так что придется нам поднажать. Раздеваемся, и вплавь. Оружие, одежду и рюкзаки переправим на матрасе. Витя, надувай. И это, не шумим, значит.

Витя, парень лет двадцати, достал из рюкзака матрас зеленого цвета, с нарисованными лягушками и цветочками. Следом он извлек насос.

Одуванчик сфотографировал реку для будущей статьи, тяжело вздохнул и принялся раздеваться.

Семен, подавая пример остальным, первым вошел в воду и поплыл на другой берег. На голове его было намотано полотенце, как обычно наматываю его женщины, выходя из душа.

Лезть в воду не хотелось, но это было неизбежно. А стоять на берегу и тянуть время, это только комаров кормить и давать лишний повод для насмешек. Одуванчик, сложив вещи в общую кучу, полез в воду.

- Бр-р-р... - зайдя по колено, он замер, - Да она просто ледяная.

- На том берегу хлопнем по пятьдесят грамм для согрева, - рядом встал Серый.

- Тогда айда на перегонки? – предложил Одуванчик.

- Не, я с тобой соревноваться не буду. У тебя ж КМС по плаванию.

- Что есть, то есть, - и Одуванчик поплыл.

Сонливость как рукой сняло. Хоть и холодная вода, а хорошо то как. Тихий плеск, шумят нависшие над водой деревья, и ярко светит, выглянувшая из-за облаков луна. Одуванчик нырнул и поплыл под водой. Вынырнул уже на середине реки, обернувшись, помахал рукой плывущему следом другу. Впереди Семен уже выбирался на берег. Позади плыли остальные выживальщики, двое сопровождали нагруженный оружием матрас.

Одуванчик ухватился нависшую над водой ветку, и выбрался на берег. Следом поднялся Серый. Сразу же налетел легкий ветерок, и кожа стала покрываться пупырышками.

- Что герои, мерзнете? А чего так спешили, ваши вещи то еще только вторым заходом переправят... А полотенце взять не догадались? – Семен вытирался снятым с головы полотенцем, - Ладно, держи Одуванчик, а то такое ощущение, что ты сейчас загнешься.

- Старый воин – мудрый воин. Спасибо, - Одуванчик взял из рук Семена полотенце и принялся вытирать голову.

- Ну, понятное дело, не то, что вы, солобоны. У меня еще тут и заначка есть, - в его руке была блестящая фляжка.

- В полотенце что ли замотал? - спросил Серый.

- Ага, - Семен открутил крышку и, сделав пару глотков, протянул флягу Одуванчику, - Держи молодежь. Грейся.

Одуванчик отдал Серому полотенце и взял фляжку. Сделал пару глотков – хороший коньяк, однако!

- Спасибо, Семен.

- Обращайся.

- Ай, блин! За яйцо кусил гад! – воскликнул Серый.

- У тебя их все равно два, чего тебя жалко что ли?

***

Илья Ребцов по прозвищу Камрад стоял на опушке леса и внимательно оглядывал окрестности в бинокль. Впереди лежало поросшее травой по пояс поле, за ним стеной стоял лес.

Над Россией занималась заря. Краешек солнечного диска уже выглядывал над опушками деревьев, заливая половину небосклона алой краской.

И тишина. Ни дуновения ветра, ни пения птиц. Лишь тишина и покой, да над головой бездонное небо.

Так, а вот и разведка. В бинокль Камрад увидел, как из лесу показался Леха, махнул рукой, мол, чисто все. Илья жестом скомандовал группе «Идем».

Никакой опасности, конечно, не было. Но тяжело в учении – меньше трупов в бою. Эту истину Камрад хорошо усвоил в армии.

Группу Семена опережали с большим отрывом. Илья улыбнулся. Закадычные друзья, они в время соревновались друг с другом. Кто быстрее проведет группу по маршруту, чья команда выиграет на страйкбольной тренировке или по рукопашке или обустройству и маскировке лагеря. Выигрывали с переменным успехом, каждый учитывал свои промахи и в следующий раз их уже не допускал.

У клуба выживальщиков города N-ска не было формального лидера. Заправляли там всем сообща три человека Семен, Камрад, Малой и их помощники и заместители. Группа Малого сегодня изображала условного противника, захватившего здания старого цементного завода. После встречи на точке сбора, группы Семена и Камрада должны были подойти к заводу и выбить оттуда людей Малого.

- Илья, пацаны с ног уже валятся, - к нему подошел его заместитель и родной брат по прозвищу Мент. Прозвали его так, потому что он когда-то служил в органах.

- Пару часов еще потерпят, потом привал.

- Все равно ж Семен отстают.

- И что? Сказал, потерпят, значит потерпят. Часа через два дойдем до оврага, там место для стоянки хорошее. К вечеру, зато, будем на точке сбора, там и отдохнем. Семен, поди, к полуночи только припрется.

***

Не спалось, Иван сидел и смотрел на пламя, разведенного в яме костра. Вроде бы, отмахав ночь и день по лесам, он должен спать без задних ног, но не спалось. Последние километры Семен вел группу в таком бешеном темпе, что на бедном Одуванчике теперь лица нет. Да и Санька замаялся. Да что там говорить, все устали как собаки. Но зато к точке встречи вышли почти вовремя. Но группа Камрада все равно их опередила. Когда ближе к полуночи следующего дня, Семен вывел своих к точке сбора, камрадовские выживальщики уже разбили лагерь и готовили ужин.

Дошли без происшествий, лишь только когда пересекали дорогу, то наткнулись на пост гаишников. Две машины перекрыли дорогу у развилки и заворачивали всех желающих проехать к границе. Семену это не понравилось. Пришлось сделать километровый крюк и обойти пост лесом.

Завтра они должны выйти к заброшенному пионерскому лагерю и оборудовать там базу. Завтра еще топтать и топтать. А он не спит. Покурить что ли?

Иван достал из нагрудного кармана сигареты и зажигалку, закурил, а когда поднял глаза от сигареты, то увидел, что у костра стоит человек.

Выглядел он довольно странно – в старом грязном бушлате не по погоде и стоптанных сапогах. На одном плече висел потрепанный вещь-мешок, на другом винтовка. На вид ему было лет за пятьдесят, не меньше. Заплутавший охотник?

- Мир тебе, добрый человек, - сказал Иван незнакомцу.

- И тебе того же, - голос хриплый, и словно немного надорванный, - Воды нет попить?

- Есть, - Иван кинул незнакомцу свою флягу, тот поймал ее, открутил крышу и жадно припал губами к горлышку, наконец, напившись, вернул ее Ивану, - Спасибо.

- Да не за что. Если устал с дороги, то ляг, поспи.

- Спасибо, конечно, друг, но я належаюсь уже...

- Ну, тогда присаживайся у огня, курить будешь?

- Буду, - мужик скинул на землю рюкзак, сверху пристроил оружие и сел к костру.

Выживальщики вокруг дрыхли без задних ног, никто даже не проснулся на звуки голоса. Иван достал еще сигарету, и протянул незнакомцу пачку. Тот кивнул в знак благодарности, выудил из пачки сигарету, вытащил из костра уголек и от него прикурил.

- Иван, - протянул руку мужик.

- И я Иван.

- Тетка, значит...

Молча курили.

- Не спокойно как-то на душе, - вдруг сказал мужик.

- Ну, так и времена не спокойные, - ответил Иван, щелчком отправив окурок в огонь, - Кризис и все дела.

- Да нет. Тут другое.

- А что же?

- Враг рядом, - незнакомец затянулся и выпустил дым колечками.

- Какой враг?

- Страшный. Война надвигается.

- Опять грузины что ли?

- Хуже.

- Ну, значит, повоюем, - Иван попробовал ухмыльнуться.

- Значит, повоюете.

- А ты что?

- А я свое отвоевал уже. Теперь ваш черед, - мужик бросил окурочек в огонь и поднялся, - Ну бывай, тезка. Может, свидимся еще.

Иван пожал протянутую руку и по его спине пробежал холодок. Только сейчас он заметил, что бушлат то на мужике окровавленный, и винтовка, которую он повесил на плечо – это старая добрая СВТ-40. Винтовка времен Великой Отечественной Войны.

Со спины на бушлате тоже проступали кровавые пятна, словно пуля прошла навывлет. Прямо через сердце...

- Эй, ты кто? – окликнул он уходящего мужика, но тот исчез в зарослях.

Иван бросился следом и... проснулся.

Светало. Он выбрался из спальника и огляделся. Выживальщики еще спали, лишь у кострища сидел Семен и раздувал угли.

- Утро доброе.

- Доброе, - согласился Иван, - Давно проснулся, Семен?

- Ага. Уже даже в пруду искупаться успел.

- Чего за пруд?

- Да это и не пруд даже, а с войны воронка от бомбы.

- А где он? Пойду тоже искупаюсь.

- Да, прям за дорогой, у кривого дерева, - Семен махнул рукой в сторону зарослей, куда ушел привидевшийся во сне боец, - Давай, только не долго, я сейчас народ буду поднимать. Скоро выдвигаемся.

Иван прихватил полотенце и пошел в указанном направлении. До дороги было топтать метров триста по лесу.

Из головы не шел привидевшийся сон. Такой реальный... и пугающий. И что это игры подсознания? Скорей всего, не может же быть такого, что погибший здесь более полувека назад красноармеец, пришел к нему во сне, посидеть у костра. Конечно, Иван слышал много различных баек про так называемое эхо войны. Самые жуткие были про Мясной Бор в новгородской области, где попала в «котел» Вторая ударная армия Волховского фронта. Говорят, там можно услышать, а иногда даже и увидеть призраки наших и немцев. Неупокоенные души обречены вечно сражаться друг с другом в новгородских болотах. Среди деревьев разносятся гулким эхом крики «Ура!», свист пуль, разрывы снарядов и мин. Шестьдесят пять лет прошло, а поисковики до сих пор откапывают останки павших бойцов. И иногда к их кострам выходят из лесу сложившие здесь свою голову солдаты, садятся у костра, вступают в разговоры. Часто под тем местом, где видят призрака, находят потом останки...

До сегодняшнего дня Иван не верил в эти байки. Должно быть страшное место – Мясной Бор. И, наверное, атмосфера там мрачная, все-таки столько народа полегло, вот это и действует на разум подвыпивших поисковиков. Ну, может, еще и водка паленая из окрестных поселков.

До сегодняшнего дня не верил, а сейчас что согласишься? Но ты ведь не знал, что здесь были бои? Не знал. Но байки разные слышал когда-то, вот они отложились в голове, а этой ночью всплыли. И никакой мистики. Ведь ты не видел на самом деле этого бойца, тебе он просто приснился. И точка.

Его внимание привлек какой-то звук, донесшийся со стороны дороги, к которой он уже почти подошел. Иван замер и прислушался. Чьи-то голоса. Ни слова не разобрать. Тарабарщина какая-то. Пригнувшись к земле и скрываясь за деревьями, Иван осторожно пошел вперед.

Подобравшись поближе, он уже смог различить отдельные слова. Говорили на английском. Туристы? Иван осторожно подошел еще ближе... и упал на землю, вжался в мох и перестал дышать. Впереди стояло два затянутых в камуфляж вооруженных человека. Негр и белый. Стоят, отливают. А сквозь листву на дороге различались машины. Армейский «Хаммер», а за ним несколько грузовиков.

Иван рискнул подползти поближе. Надо посчитать грузовики. В голове тяжелым молотом стучала мысль «Какого черта?». Так. Головной «Хаммер», за ним раз, два, три, четыре... пять грузовиков и замыкающий «Хаммер». Сколько бойцов может поместиться в такой грузовик? Ну не меньше десятка точно. А может, и больше.

На обочине дороги стояло и курило несколько бойцов. Иван не сильно разобрался в английском, но напрягал слух, прислушиваясь. Из того, что он понял, было ясно, что бойцы ждут проводника, русского военного на узике. И проводник опаздывает. Будет здесь не раньше, чем через час. После этого колонна направится брать под контроль... нет, не разобрать. Эх, говорила мама, учи английский, да кто ж знал. Ну, в общем, будут что-то брать под контроль. Завод или воинскую часть? По этой дороге и туда и туда можно добраться.

И вот как это все понимать? Учения? Или колонна просто идет транзитом? А ведь ты знаешь ответ...

- *Враг рядом, - незнакомец затянулся и выпустил дым колечками.*

- *Какой враг?*

- *Страшный. Война надвигается.*

Вот так вот. Сон в руку. А может, обойдется? Может, он что-то не так понял?

Затрясло мелкой предательской дрожью и вовсе не от вида военных грузовиков. Нет, Иван вспомнил, как Семен рассказывал, что амеры (да и натовцы, наверное) во время стоянок колонн обычно ставят оцепление в два кольца на расстоянии ста метров и двухсотпятидесяти соответственно. Плюс, возможно наличие всякого рода датчиков. Как его до сих пор не заметили и не пристрелили непонятно. Наверное, просто повезло. Или все дело в том, что он пошел следом за бойцом из сна? Бред, да и только. Погибший больше полувека тому назад красноармеец сберег своего незадачливого тезку...

Иван осторожно пополз обратно. Полз медленно, часто замирая и внимательно оглядывая все вокруг. Раз он прошел сюда в полный рост незамеченным, значит если и есть оцепление, то оно редкое. Семен говорил, что во время боевой операции почти все общение у амеров идет жестами. Значит, повезло, что наткнулся на двух раздолбаев.

Оцепление... Оцепление... Какой из этого вывод? Как бы ты сам поставил бойцов? На расстояние прямой видимости, наверное. Чтоб каждый видел своих соседей. А в этом буреломе видно не слишком далеко. Наверное, максимальный промежуток метров десять-пятнадцать. И все-таки два кольца или одно? И есть ли они вообще?

Справа донесся какой-то странный хлопок, Иван прижался к земле и перестал дышать. Тихо. Он осмелился чуть приподнять голову – в кустах сидел боец и жевал жвачку, периодически надувая и лопаая пузыри. Кажется, боец его не видит. Иван долго вглядывался в заросли слева и все-таки заметил там еще одного часового. Сколько тут расстояние между ними? На глаз, чуть больше десяти метров. Можно проскочить. Можно, только осторожно.

Улучшив момент, когда оба часовых смотрели в разные стороны, Иван пополз дальше. Потом опять замер. Оглянувшись, кажется, не заметили.

Прополз еще метров триста, никого не заметил. То ли хорошо спрятались, то ли просто поленились выставить двойное оцепление. Из осторожности он прополз еще немного, потом встал на ноги и, пригибаясь к земле, побежал к своим.

Вот и лагерь. Здесь уже все проснулись и готовились к продолжению похода.

- Быстро ты? Вода что ли холодная? – Семен, словно все это время и просидел у костра.

- Семен. Есть разговор, - коротко ответил Иван.

Они отошли в сторону.

- Там на дороге у пруда, куда ты меня отправил, стоит натовская колонна. Два «Хаммера» и пяток грузовиков.

- Натовская? А ты «Тигр» с «Хаммером» перепутать не мог?

- Ага. А негра с узбеком. Натовская, Семен. Похоже, началось.

- Звиздец! – только и сказал Семен, - Что еще?

- Они ждут проводника...

- Откуда знаешь? Ты по-ихнему волокешь что ли?

- Немного. Так вот они ждут проводника. Нашего русского военного. Он должен приехать через час. Видимо, он их проведет через посты на дорогах. Будут что-то брать под контроль, а вот что я не понял. Они тараторят, как бабы. - А я то думал, мне померещилось...

- Что померещилось?

- Беспилотники утром в небе, - Семен закурил, - Камрад! Дуй сюда. У тебя приемник вроде есть с собой. Послушай, чего там по радио говорят.

- А что там еще могут говорить. Реклама одна, поди, - Камрад не спеша к ним подошел.

- Да твой ж мать, ты не рассуждай, а включи новости. Иван натовскую колонну видел на дороге.

Услышавшие это выживальщики, загалдели, набросились с расспросами...

- Тихо! – скомандовал Семен, - Марш собираться. Две минуты вам на все про все. Тебе, Одуванчик особое приглашение нужно? И лицо попроще сделай. Потом чтобы все тут стояли. Камрад что там?

- Да ничего. Треск один. Без антенны не слышно ни хера.

- Ручку крути, слушай чего там, может, хоть обрывок какой услышишь. Потом доложишь, - Семен втоптал окурочек в землю, - А ты, Ваня, мне пока все подробно расскажи.

Пока Иван пересказывал, выживальщики свернули лагерь, и собрались вокруг них, жадно ловя каждое слово.

Подошел мрачный как туча Камрад.

- Ну что там по радио говорят хорошего? – спросил Серый.

- Это не война. Это предательство. Московские суки нас все продали. Если коротко, то все как мы и предполагали. Вводятся войска для контроля над опасными объектами. Приказ министра обороны – не стрелять. Если по бумаге, то дружеские нам войска НАТО берут под усиленную охрану все ракетные шахты, АЭСы и прочее. По легенде охраняют от возможных террористов. Если не по бумаге, то берут под контроль все. В общем, началось.

Повисла тишина. Все переваривали услышанное. Иван достал из рюкзака карту и вперился в нее взглядом.

- Пришло, значит, время Родине долг отдать... - тихо сказал Витя.

- Вы что собрались на них напасть? – спросил Одуванчик.

- А ты думаешь, мы Красные квадраты для красоты носим? – вопросом ответил Серый.

- Тихо! Времени у нас мало, - Семен посмотрел на часы, - Через сорок семь минут колонна тронется. Как тут было верно сказано, красные квадраты мы не для красоты носим. Решайтесь, мужики. Я вас заставлять права не имею. Шансов их остановить у нас мало. Но они есть.

- Это самоубийство, - тихо сказал кто-то.

- Никого не заставляем. Кому своя шкура дороже, не держим. У кого семья и дети уходят, мы вас пойдем, - Камрад посмотрел на всех, - Ну, а мне терять нечего.

- Шансы есть, - сказал Иван, оторвавшись от карты, - И неплохие.

- Что-то придумал, Ванька? Проводника поди поймать? – спросил Семен.

- Толку нам с этого проводника? Придумал, - Иван вышел в центр образовавшегося круга и расстелил карту, - Дорога у них тут только одна. Свернуть некуда кругом лес. Так?

- Так, - хором согласились все.

- Вот здесь река делает изгиб. Так называемый, «тещин язык». Через реку два моста. Место там для засады хорошее. Холмы, поросшие лесом с двух сторон от дороги.

- И как мы туда успеем?

- Спокойно. Сейчас все расскажу. Дорога здесь петляет все время. Ехать долго. Несколько часов. Пешком так вообще день топтать. Но, вот здесь на реке у моего бати рыбное место. Он там поставил домик, пристань и за деньги водит туда рыбаков. У него там коптильня есть, сети, моторки. Вообще сказка, а не место для заядлого рыбака. Нам до туда идти, ну, не больше получаса. Дальше садимся на лодки и по реке мы очень быстро дойдем места предполагаемой засады. Тихо! И самое главное. Батяка прапором был раньше у саперов.

Натаскал самой разнообразной взрывчатки. Он ей глушит рыбу. Чтобы подорвать мост должно хватить. И еще на минирование дороги останется. Ну, как вам план?

- Другого все равно нет, - сказал Семен, - Значит так. Кто с нами не пойдет, идите обратно в город. Там наших предупредите. Пускай формируют партизанские отряды, если не забоятся. Иван! Пацана своего с ними отправишь. Минута на размышление и выдвигаемся.

- Я Сашку у батьки оставлю.

- Как знаешь. Ну, что мужики, надумали?

Шесть человек решило вернуться домой. Иван был не в праве их осуждать. У каждого семья. Будь проклят этот страшный выбор между совестью и ответственностью за близких. Остающиеся передали им послания для своих семей, кто на словах, а кто на бумаге.

- Мужики, кому не жалко, оставьте нам стволы и патроны, - обратился к уходящим Камрад, - нам они очень пригодятся.

- Не вопрос, Камрад.

- И кому-то из вас надо сделать крюк и заглянуть к Малому, его надо предупредить.

Прощались. Мужики пожелали удачи и двинули в сторону города.

- Одуванчик, а ты с нами, что ли собрался? – спросил друга Серый.

- С вами. Я теперь понял, что значит Красный квадрат, - журналист погладил доставшееся ему охотничье ружье, - К тому же я с армии не стрелял. Да и должен же за твоей жопой кто-то присмотреть. А то опять как в Чечне продырявят.

- Так то осколком просто зацепило.

- Ну, так и я о том же.

- Отставить разговоры! – сказал Семен, - Все, мужики, пошли. Иван, показывай дорогу.

***

Рассекая речную гладь надвое, моторка несла Камрада с братом к месту предполагаемой засады. Оставшиеся на пристани бойцы грузили взрывчатку и инструменты, которые им дал отец Ивана.

Старый прапор порывался пойти с ними, но Иван его уговорил остаться, под предлогом, что кто-то должен присмотреть за сыном.

- Папка, война началась?

- Да, сынок. Война, - отвечает Иван

- И ты пойдешь воевать врагов?

Когда-то у Камрада тоже были дети. И жена. Но мрачный август девяносто восьмого забрал их у него.

Издалека послышался вертолетный рокот. Опаньки...

- Улыбаемся и машем, - только и успел сказать брату Илья, когда над рекой появился натовский вертолет.

И они заулыбались и замахали. Внимательно оглядывающий местность пулеметчик, засмеялся, помахал и что-то крикнул в ответ. Затем показал оттопыренный вверх большой палец.

- Сука, какая... - только и сказал брат.

- Маршрут пасут.

Вертолет скрылся из виду.

- Вроде, не спалились, - сказал Мент.

- Надеюсь, что ты прав, Кирюха.

Над головой проплыл первый мост. Проскочили не сбавляя скорости. Никаких наблюдательных постов врага не заметили, но это ничего не значит. Они вполне могут там быть.

Волны качают солнечные блики, свежий ветер дует в лицо. В лоб больно ударились тушка шершня. Камрад потер уши и глянул на тушку камикадзе у своих ног. Ого, какой лось! В голове сразу же зародились нездоровые ассоциации с предстоящей акцией, как назвал брат

нападение на колонну. Камикадзе, блин. Зашибут и не заметят... Нет, с такими мыслями проще сразу завернутся в саван и ползти на кладбище.

Камрад щелчком отправил трупик за борт.

Моторка приближалась к повороту, за которым скрывался мост. Камрад сбавил ход, причалил к берегу. Вытянули лодку на половину на берег, закидали лапником на скорую руку. Проверив оружие, осторожно двинули через лес к мосту.

Исползав окрестности на пузе вдоль и поперек, оцарапавшись о ветки и разворошив осиный улей – братья так никого и не нашли.

- Н-да... - протянул Мент, потирая ужаленную щеку.

Над асфальтом висит знойное марево. В зарослях Иван-чая на обочине жужжат насекомые. Полуденное солнце светит жарко и беспощадно. Хочется скинуть ботинки, разгрузку, надоевший карабин, забраться с головой в холодную реку и не вылезать оттуда до вечера. А вместо этого приходится сидеть под деревом, высунув язык на плечо и считать проползающих мимо муравьев.

- А я то думал, что только в наших войсках разгильдяйство процветает.

- Может, они не посчитали это местом потенциальной засады?

- Им же хуже.

***

Отец Ивана дал им три моторных лодки, взрывчатки и выдал два АКМа, одну двустволку, патронов и кое-какой инструмент. Жизнь налаживалась.

Погрузившись в лодки, они отправились в путь.

Ревели моторы, лодки неслись по реке. Одуванчик, впав в какую-то прострацию, глядел на водную гладь.

Вот и сделал ты свой выбор. Что подтолкнуло тебя к этому решению? Может быть то, что ты видел в Цхинвале позапрошлым летом, отправишься делать репортаж о войне? Или привидевшийся этой ночью сон, в котором к тебе пришел древнерусский воин и отдал свой меч? А может, то, как вот эти мужики, с которыми ты сидишь сейчас в одной лодке, за пару минут приняли решение идти в бой? Или это проснулась в тебе та самая русская кровь? Кровь твоих предков, не склонявших голову ни перед кем? Предков, которых так никто и не смог победить, сколько ни пытались. Ни Наполеон, ни Гитлер. И пусть говорят, про трехсотлетнее Иго... пусть говорят. Ты читал книги, в которых очень убедительно доказывалось, что никакого Ига не было, а был всего лишь союз. Эдакий симбиоз.

Они и сейчас смотрят на тебя из тьмы веков, твои великие непобедимые предки, оставившие тебе в наследство самую большую страну. Страну, где каждая пядь земли обильно полита их кровью. И теперь твой черед, защищать ее. Да, ведь именно так и сказал воин из твоего сна, отдавая тебе меч. «Твой черед», сказал предок. Что ж... не посраим честь нашу и славу. Вы пришли, делить шкуру русского медведя, но сначала его нужно убить.

- Журналиюга, а ты то зачем с нами отправился? Надеешься на репортаж? Так там стрелять будут. Могут и дырку в голове сделать, - Семен дотронулся пальцем до лба Одуванчика.

- Я читал воспоминания русских добровольцев о Югославии. Я был в Осетии в августе позапрошлого года. Так что я тоже знаю, что такое Мировое Зло, - просто ответил тот, - И, как говорил, не помню кто – «Это моя страна и мне не насрать».

- Мужик! - рассмеялся Семен и хлопнул его по плечу, - И это все из-за чего ты рвешься в бой?

- Не все. У меня прадед по мамкиной линии на Рейхстаге расписывался, а по бабкиной в блокадном Ленинграде зажигалки с крыш сбрасывал и прабабке с ее дочкой, то есть моей бабушкой, последнюю пайку отдал, чтоб они выжили. А сам умер. Так неужели ты думаешь, что я останусь в стороне, когда враг пришел на нашу землю?

- Эх, вот были б все у нас в стране, такие как ты, ни одна бы блядь к нам не сунулась.

- Или такие как Серый, вон скоро стрелять будут, а он сидит тушонку жрет. Железные нервы у человека.

- Не, если бы все были как Серега, у нас бы жрать в стране было б нечего.

- А будто сейчас есть что? Вон в Питере уже население суп из картофельных очистков варит, кризис мать его.

- Что вы до меня докопались, я позавтракать не успел утром. О! Вот и мост.

И в правду мост. Одна из лодок замедлила ход, и подплыла к берегу. Из нее выпрыгнуло три человека, и побежали наверх к мосту. Остальные две лодки на полном ходу пронеслись под мостом дальше.

- А мы? – спросил Одуванчик.

- А мы к следующему мосту, - ответил Семен, - А пацаны сейчас залягут у моста.. Так там скорей всего сидит пара наблюдателей и пасет подходы. Но как колонна пройдет они их заберут с собой... Тогда пацаны мост заминируют и взорвут к чертям, чтоб подкрепления не прошли. Но только после того, как мы свой взорвем.

- Понятно. А у нашего моста натовского секрета не может быть?

- Может быть, но Камрад о них позаботится.

Река здесь делала крутой изгиб, и мост уже скрылся за поворотом. Одуванчик повернулся к Семену.

- Получается, что мы запрем их на «языке»?

- Ага. И останемся с ними один на один.

- Так это, с воздуха накроют нас.

- Наша задача их быстро уничтожить и свалить. Когда прилетят вертушки или самолеты нас там уже быть не должно, - вставил реплику Витя.

- Лихо излагаешь, Витек. Как у тебя, однако, все просто. Ты не забыл, что будешь иметь дело с обученным противником? А сам ты кто по профессии? Правильно, обычный сварщик. А в армии ты два года баранку крутил и в движках ковырялся.

- Да ладно тебе, Семен, сделаем в лучшем виде.

- Сделает он. Ты уже, наверное, мысленно Вашингтон штурмом взял и черножопую обезьяну Обаму к стенке поставил?

- Я бы его за яйца бы повесил, а не к стенке поставил.

- Герой!

- Кстати, вопрос на засыпку, - Одуванчик закурил, - а, сколько из вас служило в армии?

- Примерно, половина, - ответил Семен.

- А реально воевало?

- Я, Камрад, Серый. Еще Сержант.

- Весело.

- Веселье впереди.

***

Иван воткнул саперную лопату в землю, утер футболкой пот с лица и сел на край отрытого им окопа.

- Уф... Все, блин, перекур, - сказал он, доставая сигареты.

Тихонько шумели деревья, жужжали над зарослями иван-чая осы и шмели. Над головой летали слепни.

Из соседнего окопа выбрался весь перемазанный в глине Витька. Попил воды и тоже уселся покурить.

- Жарко, блин.

- Ага, - согласился Иван.

- Что-то сомнения меня гложут.

- По поводу?

- Ну, если Москва все и всех продала, то какого хрена мы тут делаем? Свои жопы надо спасать по идее. Для будущей партизанской войны или для отсидки в норах, это как пойдет.

- Дурак ты Витька. Хоть и выглядишь умным. Вот смотри, дерево стоит.

- И чего мне головой об него ударится что ли?

- Дерево, оно по твоему кому принадлежит?

- Хрен его знает. Дерево и дерево. Стоит себе и стоит. Вроде, ничейное.

- Ну, а ты кому принадлежишь?

- Я тебе чего машина что ли, чтоб кому-то принадлежать?

- Значит тоже ничейный? Как и дерево, - Иван прихлопнул устроившегося на руке слепня.

- Хватит меня с деревом сравнивать. Ну, значит, ничейный.

- Ну, и как тебя Москва могла продать, если ты как дерево?

- Значит, не продали, а сдали.

- Жопу они свою подставили, а не сдали. Теперь даже последнему дебилу ясно, кто чего стоит. А страна эта принадлежит не Москве, а народу. Мне, тебе, Семену. Даже Одуванчику. Ты пойми, Витек, это не их страна, а значит, и продать они ее не могли. Это наша страна. И защищать ее тоже нам.

Витька задумчиво посмотрел на дерево, потом на лежащую рядом двустволку.

- Ну, так это... все ж как обычно будет. Нас объявят экстремистами и террористами. Будем вне закона. А ублюдкам и крысам все почести за защиту демократии и прав человека.

- Привыкай, Витек. Крысам всегда сначала все. Но потом справедливость берет свое, и висят эти крысы на фонарных столбах аки игрушки на елке. Пойми Витька, в нашу страну пришли враги. Они написали на своих банкнотах «Новый мировой порядок» и собираются его тут устанавливать. Остановить их надо здесь и сейчас. Потому что большая победа, всегда складывается из малых побед.

- Гладко затираешь, Иван. А как оно на самом деле выйдет? У нашего народа мозги засраны пропагандой по самое не балуй. Ты сам об этом прекрасно знаешь. Они ж верят всему, что по ТВ говорят. Купят всех гуманитаркой, и не встанет никто на защиту Родины. И получится, что зазря мы тут свои головы сложим

- Что ты нас хоронишь раньше времени? Сложим головы, так хоть Людьми помрем. А если выкрутимся, то и будем думать, как дальше быть. Гуманитаркой, говоришь, купят народ? Может оно и так. Но всегда найдутся те, кто не продается. Мы, например. И тогда перед нами встанет задача – разбудить наш народ. И тут только один способ – сделать жизнь народа еще хуже, чем она есть. Шоковая терапия. Будем взрывать склады гуманитарки, вести информационную войну, резать патрули и продажных крыс. И вот когда под жопой запольхает, тогда народ и очнется.

- Прямо как в кино про каких-нибудь революционеров.

- Как в кино не выйдет. Жестче все будет. И с чистыми руками и совестью остаться не получится. Все, перекур закончен. Айда дальше копать.

- Так точно! – Витька козырнул и прыгнул в свой окоп.

- С непокрытой головой, честь не отдают, дубина.

***

Одуванчик занял место в строю, Семен явно собирался сказать бойцам что-то воодушевляющее. Включил диктофон.

- ...зарплата в понедельник должна быть. За позапрошлый месяц...

- ...жопу свою под пули не подставляй...

- ...а я говорю – дура баба...

- ...начнется...

- ...одна банка осталась...

Семен поднял руку, и разговоры сразу стихли.

- Я вижу перед собой лучших сынов нашей страны. И я счастлив и горд, что мне выпала честь сражаться сегодня вместе с вами. Не перевелись еще настоящие мужчины на земле русской! Я вижу высшую справедливость в том, что мы оказались в этом месте в это время. Ведь нам выпал шанс сойтись лицом к лицу с тем, что мы так ненавидели и боялись. И мы не

дрогнем, не уступим, а они не пройдут! Они считают нас варварами и недочеловеками. Но никто и никогда не смог нас победить. И эти не смогут! Сколько было тех, кто зарился на наши земли и где они теперь? Нигде! И эти отправятся вслед за предшественниками. Запомните мужики, пока не подорвем мост и замыкающую машину – не стрелять. Потом они начнут выскакивать из машин. И тут мы их и накроем. Просто так не палить, цельтесь лучше и берегите патроны. Стрелять лучше по ногам, на груди у них все равно бронники. Ну, если шибко меткие, то в голову. Все. По местам, - Семен улыбнулся, - Мы отвлекаем их, вторая группа заходит с другой стороны и отстреливает пулеметчиков, гранатометчиков, связистов и офицеров.

Хорошо сказано, хоть и пафосно, подумал Одуванчик, направляясь к своей позиции.

Потянулось многократно воспетое писателями и поэтами ожидание боя. Хотелось бегать, прыгать, что-то делать, но Сергей усилием воли заставил себя лежать на месте, лишь только крепче сжал карабин. С соседнем окопе тихонько что-то напевал себе под нос Серый.

- Ты чего там поешь, Серега?

- Песню про дембеля, Серега.

- Все с тобой понятно.

- Что страшно, Одуванчиков?

- Не без этого, Петров.

- Едут! Едут! – крикнул засевший на дереве дозорный.

С помощью зеркала ему передали сигнал от первого моста, просигналив подтверждение, дозорный начал спускаться на землю.

- Минут через пятнадцать-двадцать будут тут, - сказал Никита, сидевший в окопе справа от Одуванчика.

Семен еще раз прошелся по рядам, напоминая, чтобы не курили, раньше времени не стреляли, били по ногам, меняли позиции...

- Сколько у нас шансов, Серый? – спросил друга Одуванчик.

- А сколько б ни было... Не ссы, прорвемся. Где наша не пропадала?

- Ну да. А как думаешь... - но он не успел задать вопрос

- Тихо! Вот они! Не трепыхайся, Одуванчик. Жди команды.

Черт возьми, действительно едут.

Ну, все. Сейчас, значит, начнется. Одуванчик, поудобней перехватил карабин, снял с предохранителя и взял на прицел грузовик.

- Как на параде едут, суки, - процедил сквозь зубы Серый, - даже за пулеметы никого не посадили. Как дома, блин.

Едут. Фырчат, ревут моторами. Впереди армейский «уазик», следом «Хаммер», дальше грузовики, потом опять «Хаммер».

- Спокойно, Одуванчик, спокойно. Сейчас накроем тварей, - голос Серого доносился словно откуда-то издалека.

«Уазик» заехал на мост.

- Ну... готовься.

«Хаммер» заехал следом.

- Мамочка... - прошептал Одуванчик. И мост взорвался.

***

Жахнуло так, словно не фугас взорвался, а небо упало на землю. С секундной задержкой прогремел второй взрыв. А издалека, донесся третий взрыв. Все. Мостов больше нет.

Про «Хаммеры» и «Уазик» тоже можно забыть. Веером осколков посекло заросли иван-чая и деревья. Мост разнесло на кусочки, и горящие машины упали в реку.

С грузовиков горохом посыпались бойцы. С какой стороны засада они не знали, поэтому часть из них спряталась за машинами справа, а часть слева. Как раз под стволы выживальщиков.

Иван поймал в прицел водителя вывалившегося из грузовика, и надавил на спусковой крючок. Выстрел. Водитель падает навзничь. Счет открыт.

Ну, все, колонна надежно заблокирована. Теперь осталось только перестрелять их.

Кто-то из натовских водил пытался сдать назад, но подорванный замыкающий надежно перекрыл пути отхода и им ничего не оставалось как принять бой.

Грохочут выстрелы. Попавшие под обстрел натовцы с левой стороны колонны засуетились, пытаются уйти из-под огня. Кто-то закатился под машину и пополз на правую сторону колонны. Кто-то оббежал. Кто-то остался лежать на земле. Грохнула граната.

Противник спрятался за машинами, и вяло отстреливался, не рискуя лишней раз высовываться из-за укрытия.

Бешеная стрельба сменилась редкими выстрелами. Выживальщики берегли патроны. Загрохотали натовские пулеметы, выбивая из брустверов фонтанчики земли, и заставляя вжаться в свой окоп.

- Ну, и что теперь?

- погоди, Витек, сейчас самое интересное начнется. Они сейчас очухаются и начнут нас давить. А поскольку на их стороне численный перевес, то нам придется не сладко. Но это ничего, скоро группа Камрада зайдет им со спины...

- А нам что делать, когда нас давить начнут? Пацаны то еще когда придут...

- Нам? Стрелять и менять позицию. Потом опять стрелять и опять менять позицию. Что мы зря, что ли столько ям тут нарыли? - Иван приподнял на мгновение голову над бруствером, выстрелил по показавшемуся из-за колеса грузовика бойцу, но попал или нет, так и не понял.

Метрах в пяти впереди упала граната...

- Ложись! – заорал Иван и упал на дно своего окопа.

Рвануло. Сверху просвистели осколки.

- Витек, цел?

- Ага...

- Санек? Санек...

Иван высунул голову из окопа и посмотрел вправо. Санек, системный администратор, отец двух детей и просто веселый парень лежал лицом в траве, наполовину высунувшись из окопа.

Над головой засвистели пули, заставив спрятаться.

- Витька...

- Чего?

- Прикрой, Санька походу контузило.

- Не вопрос, - ответил он и тут же начал стрелять в сторону натовцев истошно крича, - Суки! Ненавижу!

Иван выпрыгнул из своего окопа и полз к Саньку. Над головой мерзко и страшно свистели пули. А всего-то три метра проползти...

Метр. Вжик-вжик... Ха. Не моя это пуля и это не моя. Еще метр. Ого, кажется это заработал пулемет! Мамочка, как ветки то срезало одной очередью...

Вжик. И это не моя. Неподалеку рванула граната.

- Перезаряжаюсь! – орет Витька.

Дополз. Свалился на дно, за ноги втянул Саньку.

- Сейчас, браток, потерпи. Сейчас помогу, - шептал Иван, переворачивая тело.

Увы, он ему помочь не сможет. И даже Самый Лучший в Мире Доктор не сможет. Дурапуля попала прямо в глаз и застряла где-то в мозгу. Санек не дышал. Уцелевший глаз укоризненно смотрел на Ивана.

- Как же так, братишка. Что ж ты...

- Как он там? – донесся сквозь грохот выстрелов голос Витьки.

- Никак, - прокричал в ответ Иван.

***

Если бы Камрад был птицей, парившей в небе, он бы увидел, как колонна змеей заползла на мост, и он тут же рванул под головной машиной. Он бы увидел, как во все стороны полетели обломки, как, вздувшись чудовищным пузырем, лопнуло полотнище моста и вместе с горящими остовами машин рухнуло в реку. А из воды остались торчать покореженные обломки опор.

Еще он бы мог увидеть, как рванул хвост колонны. Объятый пламенем «Хаммер» подбросило в воздух, а потом с силой ударило об дорогу, заблокировав колонну на лесной дороге. И, конечно же, если бы он был птицей, то увидел бы и еще один взрыв, разметавший на куски первый мост.

Но Камрад не был птицей, поэтому со своей позиции он видел только воцарившуюся в колонне суматоху. Бойцы выскакивали из машин, уходили с линии огня, прятались за колесами, горящими факелами ходили по дороге, в общем, дели все что полагается, при внезапном нападении.

Определившись, откуда стреляют, натовцы открыли ответный огонь. Заработали по целям гранатометы и пулеметы.

Камрад стиснул зубы. Ждать. Ждать, пока они втянутся в бой. А потом вдарить со спины. Авось к этому времени пацаны с первого моста подойдут и их будет на три ствола больше.

Это очень трудно – ждать и смотреть. Смотреть и ждать. Ждать, в том время как умирают твои товарищи.

***

Липкий страх ползет по спине, окутывает разум, наливает руки свинцовой тяжестью, трясет тело и подкашивает ноги. Страх заглядывает в глаза бездонными автоматными дулами и противно шепчет в ухо: «Это конец. Не высовывайся. Это конец»

С начала боя Одуванчик выстрелил только один раз и теперь лежал, сжавшись в комок на дне окопа, боясь поднять голову, вздрагивая от выстрелов.

Он слышал, как его периодически звал Серый, но ничего не отвечал.

Со своей позиции Одуванчик плохо видел, как взорвался мост – мешала листва, но зато он очень хорошо разглядел судьбу замыкающего «Хаммера». Грохот, комья земли во все стороны, огонь. Машину подбросило в воздух и ударило со всей дури о землю. Рядом что-то упало... Это что-то было оторванной кистью...

Затем раздалась выстрелы. Одуванчик тоже выстрелил, кажется, даже попал... А потом над головой засвистели пули и вот он лежит на дне ямы, которая, возможно, станет его могилой, сжимая бесполезный карабин...

Бесполезный?

«Твой черед».

А как же все твои слова и мысли? Про деда, который расписывался на Рейхстаге. Про блокадный Ленинград. Про Югославию, Цхинвал и Мировое Зло? Твои слова расходятся с делом, Одуванчик? Ты трепло? Ты жалкий трус?

«Это моя страна и мне не насрать»

И вот ты лежишь на дне ямы в своей стране. Враги стреляют в твоих соотечественников, а ты лежишь, как мешок дерьма. Боишься, что продырявят шкуру?

«Я теперь понял, что значит Красный квадрат».

Слова и больше ничего. Ты лежишь, трясясь от страха, а, быть может, именно от твоих выстрелов зависит исход боя. Чем же ты так дорожишь, Одуванчик? Чем твоя жизнь ценнее жизни того Серого, который сейчас стреляет в натовцев? Ты слышишь, как он зовет тебя. Он думает, что ты ранен. А вдруг из-за этих окриков он поймает пулю? Ты будешь в этом виноват.

Одуванчик поднял голову. Сквозь кроны деревьев было видно кусочек неба. Какое же оно красивое. В небе летают согнанные с деревьев птицы. По брустверу ползет муравей. Муравью нет дела до сошедшихся в смертном бое двуногих. И птицам все равно. Кому бы не принадлежала Россия, они, как и летали, так и будут летать.

- Одуванчиков? – надрывался Серый.

Одуванчик встал на четвереньки.

- Это. Моя. Страна, – раздельно произнес он, беря в руки карабин.

- Одуванчиков!

- И. Мне. Не. Насрать, - он осторожно приподнял голову над бруствером.

- Одуванчик! Твою ж мать, ну и напугал ты меня, я думал, тебя завалили, - Серый выстрелил и спрятался в окопе.

- Порядок, дружище. Просто небольшой шок.

Одуванчик прицелился, но выбранный им натовец нырнул за грузовик. Не долго думая, он прицелился в другого бойца, выстрелил, но пуля попала в кузов грузовика.

- Больше так никогда не делай! – крикнул Серый.

- Хорошо!

Война оказалась не такой страшной, как ему почудилось в самом начале боя. Выстрелил, спрятался, выстрелил, спрятался и так до бесконечности. Словно какая-то нелепая и опасная игра. Страшно, конечно, но теперь страх наоборот помогал ловчее стрелять и прятаться. Это уже был не тот жуткий ужас, как в начале.

Какой-то странный хлопок. Еще один и еще. За спиной что-то взорвалось, потом еще и еще.

- Перелет, однако. Из подствольников садят гады. Сейчас в атаку ломанутся, - прокомментировал происходящее друг.

- Хреново, - только и сказал Одуванчик, перезаряжая карабин.

- Не то слово, дружище.

Со стороны колонны кто-то прокричал «Гоу! Гоу! Гоу!».

- Ну, теперь, держись, брат.

***

Жарко. Пот стекает по лицу ручьями. Иван нашел в окопе Санька флягу, открутил крышку и сделал пару глотков. Перезарядил «Сайгу».

- Кажись, в атаку собрались, - крикнул Витька.

- Ну, идите-идите. У меня для вас подарочек есть, - прошептал Иван.

Подходы к своим позициям выживальщики заминировали остатками взрывчатки. Должен был ее взорвать Санек, но придется Ивану.

- Ближе подходите, ближе...

И они подходили. Все чаще и ближе рвались гранаты. Похоже, что это стреляли навесом, через головы своих, из подствольников, те, кто остался прятаться за машинами. Стреляли вслепую, но все же... Гранатометчики и пулеметчики не давали выживальщикам поднять головы, враг подбирался ближе и ближе.

А потом гранаты и пулеметы утихли, боялись попасть по своим, значит уже на дистанции последнего рывка. Иван приподнял голову над бруствером – ага, так и есть. Рядом просвистела пуля, Иван спрятался обратно в окоп и надавил на рычаг детонатора.

По цепочке подорвались заложенные вдоль дороги заряды. В воздух один за другим поднялись и попали фонтаны земли, огня и пыли. Подбирающихся натовцев смело и раскидало в стороны. Кого-то даже по частям.

- Вот это ты дал им прикурить, Вань, - Витька присвистнул.

- Дал, дал. Они сейчас тут опять попрут, раз тут рвануло все, значит больше мин нет. Зато с других сторон осторожней будут.

- Так это, не пора нам еще позицию-то менять?

- Пора...

- Сейчас бы «калаш» и подсумок с гранатами.

- Ага. А еще пару «Мух», миномет и бесконечные патроны. Вот тогда бы ни одна блядь не ушла, - Иван снял с мертвого Саньки разгрузку с патронами, повесил ее на правое плечо, взял из мертвых рук ИЖа, повесил на левое плечо и пополз обратно следом за Витькой менять

позицию. Одну яму поменял на другую. И то ладно, а то к той позиции уже пристреляться могли. Не хотелось, чтоб прямо на голову упала граната.

Притихшие выживальщики опять открыли огонь.

Предыдущая позиция была лучше, колонная видна как на ладони, а тут блин... листья, колючки...

Сквозь густую листву кустов были видны приближающиеся враги, Иван стрелял по ним, но было трудно сказать, попадал он или нет. Из кустов вырвался натовский боец, и бросился прямо на их позицию, но чья-то пуля опрокинула его на землю. Боец пытался отползти обратно, но Иван метким выстрелом добил его. - Если они прорвут нашу оборону – нам конец, - крикнул Иван.

Появлялись все новые и новые бойцы, падали в поредевшие заросли иван-чая, стреляли и подползали все ближе. Иван перезаряжал «сайгу», когда на них выскочило сразу два бойца. Одного завалил Витек. Второй успел выстрелить в ответ и Витька упал. Иван разрядил в него ИЖа, и тот рухнул замертво.

- Витька?

Нет ответа.

Дрожащими руками Иван перезаряжал двустволку. Патроны падали из рук. Когда он наконец-таки справился, к ногам упала граната. Сколько секунд горит запал у натовской гранаты?словно черт из табакерки Иван выскочил из окопа. Перекатился. Упал на землю, открыл рот и пополз в сторону Витькиного окопа. Взрыв. На голову посыпалась горячая глина. Иван полз.

***

Цели заранее распределены. Дай команду, Камрад, молили глаза бойцов. Ну, дай же нам команду, и мы перещелкаем этих гранатометчиков и пулеметчиков, что лупят со всех стволов по нашим братьям. Смотри, командир, вон радист как удобно голову выставил прям под пулю. Проучим наглеца! Дай команду, командир. Ну же!

Но нет команды. Слишком рано. Натовцы еще не все втянулись в бой.

Враг уже ломанулся в атаку. Притихли гранатометы. Выборочно работали пулеметы.

Потом рванули заложенные вдоль позиций фугасы.

Натовцы сперва отхлынули, но потом полезли с новой силой.

Пора.

- Парни, свои цели вы знаете. Выкашиваем пулеметчиков, гранатометчиков, радистов и офицеров. Потом всех остальных. Наши пули их бронежилеты не берут, бейте по конечностям. Все. Работаем.

Камрад, первым выстрелом снял пулеметчика.

***

Когда прямо к нему в окоп запрыгнул ошалевший натовец, Одуванчик не растерялся. Используя карабин как дубину, он выбил оружие у него из рук, но и сам выронил свое. Тогда он схватил в руки лопату и зарубил врага, в лучших традициях фильмов про войну. Теперь у него была трофейная штурмовая винтовка.

Высунувшись из окопа, он короткой очередью свалил еще одного врага и дал длинную очередь по приближающейся группе натовцев. Те залегли и отползли назад. Одуванчика затрясло. У ног лежал труп с перебитым лопатой горлом, по утопанной глине растекалась кровь. К горлу подкатила тошнота, но не время для эмоций. Это война, сынок, слышишь! Так что возьми себя в руки.

Опять загрохотали пулеметы...

- Серый! – позвал он друга.

- Кажется, отходят, - Серега приподнял голову над бруствером, - вот это мы им задали, нечего сказать. Они, поди, обосрались все, когда фугасы рванули.

- Смотри, чем я разжился? – Одуванчик потряс в воздухе автоматом.

- Ого! Молодец.
- И что дальше?
- Сейчас они переведут дух и попрут еще раз. Или вызовут авиацию. И будут нас утюжить 105миллиметровыми снарядами.

- Да, перспектива...

Оказывается, он очень хотел пить. Только Одуванчик припал к фляжке, как стрельба возобновилась.

- Наши им в спину зашли. Они выбрали неудачный момент. Ой, неудачный...

- Огонь!!! – пронеслась по цепочке команда.

Одуванчик оглядел труп натовца у своих ног. Сорвал с него разгрузку.

- Серега! Тут подствольник и боекомплект гранат. Лови, ты с ним лучше справишься, - и он кинул другу трофейный автомат и разгрузку, сам подхватил карабин.

Серый выстрелил из подствольника. Граната разорвалась где-то за колонной.

- Перелет!

Второй выстрел был удачней.

***

Витька ранило в грудь и плечо. На губах пузырилась кровь, похоже, что пробито легкое. Не жилец. Иван ударил кулаком в стенку окопа. Осыпалась глина.

- Суки. Суки. Суки... Сууууки... - шептал он.

- Добейте их... - хрипло сказал Витя и закрыл глаза.

- Добьем, - пообещал Иван.

Внезапно Витька открыл глаза, приподнялся, вцепился в Ивана окровавленной рукой:

- Не отдавайте им страну! Слышишь! Не отдавайте! – слава давались ему с трудом. Кровь пошла горлом, - Крысы. Московские крысы на фонарных столбах. Обе... Обещай... что так и будет. Пусть они заплатят... за все.

- Так и будет, Витька. Ты только держись. Вместе этих сук вешать будем. Ты лежи. Не разговаривай. Нельзя тебе говорить, - кажется, из правого глаза потекла слеза или это просто пот? Дыхание перехватило...

- Моя Россия... Моя... - Витька дернулся в последний раз и затих. На окровавленных губах застыла улыбка.

- Они заплатят, Витька. Они все заплатят... - Иван закрыл ему глаза.

Холод в груди сменился жаром. По коже пробежал легкий холодок, и волосы на руках встали дыбом. Казалось, что его разорвет сейчас изнутри от лютой, жуткой, страшной ненависти. Перед глазами кровавая пелена. Стучит в висках кровь.

Пощады не будет.

- Огонь! Огонь! – донесся до него приказ Семена.

- Огонь! – закричал Иван, вскидывая верную Сайгу.

Огонь! Миротворцы, защитники прав и свобод, а на деле охочие до чужого добра крысы, вы пришли на мою землю и вы в ней останетесь навсегда! Ярость. Ярость русского медведя во мне. Мои предки, отстоявшие эту землю от полчищ врагов, за моей спиной. Пусть всю нашу историю переврали. Подлецов превратили в святых, а героев полили грязью. Но никто, слышите! Никто и никогда нас не победил! И у вас не выйдет. Так что – огонь! Из всех стволов, не жалея патронов. И пусть ветер несет похоронки во вражьи города. Пусть плачу матери и вдовы. Пусть.

В соседний окоп угодила граната. Кто там сидел? Кажется, Леха.

Кто-то удачно всадил пару гранат в колонну, и два грузовика взорвалось. Откуда у нас гранатометы? Трофейные? Кончились патроны. Иван схватил Витькиного «Вепря».

Умом он понимал, что скоро их сомнут. На стороне противника численное превосходство, армейская выучка и автоматы. Но надо держаться. Держаться и убивать. Убивать и держаться.

Огляделся. Из двенадцати человек, в живых осталось примерно половина. Никита с залитым кровью лицом одиночными стреляет из «Калаша». Одуванчик и Серый. Живы.

Стреляют. У Серого автомат, надо же. Сержант. Стреляет. Нет, стрелял. Пуля вошла точно между глаз и Сержант падает. Жаль. Семен... Где Семен?

- Атас! Вертушки! – вот и Семен.

***

Неудачно зашли, но что поделаться. Выбив первостепенные цели, группа Камрада пошла в атаку. Все складывалось хорошо, ударный отряд врага, казалось, намертво сцепился с людьми Семена и спину никто не пасет. Бей не хочи! Только перезаряжать успевай.

Но то ли Камрад что-то не так рассчитал, то ли семеновские перестарались, но как раз когда они первым залпом сняли обильную жатву, натовцы откатились от семеновских и столкнулись лицом к лицу с ними. Ствол в ствол, так сказать.

- Ложись! – скомандовал Илья.

И вовремя, над головой засвистели пули. Даже не пули... Свинцовый ветер загулял по лесу, выбивая щепки, пробивая на вылет тела. Ох, как не хорошо получилось... Как не хорошо...

Выстрелил, сменил позицию, снова выстрелил. Перекатом уйти за дерево, выбрать цель, выстрелить.

Наседают. Отстреливаемся. Мы уже не наступаем, мы пятимся. Медленно, но верно.

Натовцы заняли круговую оборону. Даже если Семен сейчас бросит своих в атаку – второй раз номер не пройдет. Ну, хотя бы оттянем их на себя. Поэтому пятимся и отстреливаемся.

Глаза сами присмотрели ложбинку между двумя кочками. Рвануть и залечь там...

Рванул. Что-то больно толкнуло в бок, опрокинуло – перед глазами уже мох. Поднял глаза, уцепился взглядом за ложбинку и опять рванул. На этот раз ударило в ногу.

Опять упал. Да что же это... Ползком, ползком... Как же больно.

Вот и ложбинка. Так, где карабин? Походу, потерял. А что с ногой? Навылет. А бок... С боком дела хуже...

И тут кто-то закричал:

- Вертушки!

***

Что это за страшный рокот? Налетевший ветер закачал макушки деревьев. За шиворот насыпалось листвы и иголок. Что за чертов рокот?!

- Вертушки! Одуванчик, ложись! И рот открой!

Точно, вертолеты и как он сразу не сообразил. Вызвали, значит, подмогу, гады... Вот они, зависли, над лесом. Две «Кобры». Или «Супер Кобры», Одуванчик не разбирался в вертолетах. Тем более, в американских. А может, удастся его подбить из карабина? Вот был бы ноте...

Додумать эту мысль он не успел – вертушки ударили НУРСами...

Рев, грохот, огонь, дрожит земля... Одуванчик вжался в свой окоп, закрыл руками голову. Сверху грохотало. Сверху падали горящие комья земли и ветки деревьев. Сверху летала смерть.

Темно, как темно... Он словно парит в этой темноте. Издалека доносится какой-то шум. Голоса... Но это все неважно. Как уютно в этой теплой темноте. Но что же так тревожит тебя? Ты что-то недоделал. Какое-то важное дело. Очень важное. Но в уютной темноте уже ничего не имеет значения. Здесь хорошо. Здесь тишина и покой, лишь только какой-то странный гул.

Огонь. Огонь обжигает. Но в темноте нет огня, так почему же он думает о нем? Неважно. Все это неважно. В темноте можно ни о чем не думать... Ничего не желать... тут только тишина и покой. Даже страшный шум куда-то исчез.

А потом в темноте зажглось солнце.

Кажется, он отключился... Звонит в ушах и давит сверху земля. Неужели все кончилось? Сколько же он провалялся без сознания?

Чьи-то руки схватили его, вытащили из ямы. Натовцы! Одуванчик заорал, начал отбиваться.

- Тише! Тише! Это я! Серый.

Одуванчик открыл глаза. Поваленные горящие деревья, маленькие костерки на земле. Воронки. Много воронок. Очень много. Серый. Одежда местами дымится, лицо все черное, но жив.

- Где, где вертушки? – спросил Одуванчик друга.

- Отстрелялись. Держи, - он всунул ему в руки ружье, - они сейчас опять пойдут. Буду зачищать территорию.

***

Расстреляв боекомплект, вертолеты улетели. Иван с трудом поднялся на четвереньки, стряхивая с себя землю. Да, знатно его присыпало. Попробовал встать. Ох, как же больно! Левая нога вся в крови, из бедра торчит обломок ветки. Кажется, это сосна... Надо вытащить... Незабываемое ощущение.

Отбросив извлеченную из ноги деревяшку, он, опершись о карабин, приподнял голову над бруствером.

- Ванька, живой, чертяка. А я то думал, кто там орет как свинья на бойне, – Семен лежал на земле, придавленный упавшей сосной, - они сейчас опять ползут.

В подтверждение его слов зазвучали пока еще редкие выстрелы.

- У нас есть минута. Может, полторы. Оставь мне волюну и уводи наших.

- Но...

- Выполнять!

Иван, доковыляв до Камрада, попробовал поднять сосну, но скорчившись от боли упал.

- Пацанов жалко... Никого почти и не осталось. Брось ты это дерево. Отдавай пушку и уходи. Я их задержу.

Рядом просвистела пуля.

- Прощай.

- Удачи, Ванька.

Пригибаясь к земле, и стараясь не упасть, он двигался вдоль окопов. Мертвецы. Все мертвы. А нет. Одуванчик и Серый, из окопов ведут огонь по противнику. Надо же, выжили.

- Иван!

- Серый. Уходим.

- Но...

- Все. Баста. Отвоевались. Пора уносить ноги. Быстро. Они сейчас будут здесь, - сказал Иван.

И тут что-то обожгло грудь. Иван еще ничего не понял, а перед глазами земля...

Черт возьми, подстрелили...

И темнота...

***

- Нам крышка, - сказал Данила.

Втроем они лежали на дне дымящейся воронки. Вертолеты улетели.

- Не, земляк, сейчас очухаемся немного и попрем дальше, - Камрад попробовал улыбнуться, но скривился от боли в боку. Ему то крышка, это точно, с такими ранами не живут. Он хлопнул Данилу по плечу, - не раскисай.

Кирюха, пытался перевязать ему ногу.

- Валишь вам надо, парни.

- Брат... - Мент посмотрел в его глаза, сглотнул, словно в горле застрял комок, - Брат...

Он все понял.

- Данилка, дай свой ствол и валите.

- Камрад, ты чего это помирать собрался что ли?

- Брат, не дело это...

- А что вы меня хороните? Выберусь как-нибудь, не в первой, - хорохорился он, а ноги уже сковывал холод, а фокусировать взгляд на чем-то становилось все труднее, - один я точно уйду. Только сначала вы.

- Где встретимся? – Данила, кажется, поверил в его бравладу.

- У кривой развилки. Если меня там не будет – уходите к Малому. Все. Пошли.

Данила выбрался первым и, упав на землю, пополз прочь от воронки.

- Все, Кирюха, давай. Ждите у развилки.

- Это ты Данилке можешь заливать, – брат обнял его на прощание, и пополз следом.

Ну, вот он и остался один. Где-то стонали умирающие. Раздались редкие выстрелы, кажется, начинают прочесывать местность... Руки налились тяжестью. Немного трясет. В воздухе пахнет гарью и порохом...

Камрад вслушивался в затухающий стук своего сердца и гадал, что случится раньше – он сам помрет или все-таки его найдут враги. А так хочется еще перед смертью прихватить с собой хотя бы парочку.

- Ну, где же вы, сволочи? Где вы?

А может, ну его к черту это ожидание, попробовать выбраться из воронки и самому их поискать? А сдюжишь ли? Ну, а почему бы и не попробовать. Чем черт не шутит...

Камрад поднялся на четвереньки, попробовал выбраться из воронки, но сорвался и скатился обратно на дно. Сил совсем не было. Оставалось только ждать...

***

- Надо к реке уходить, там наши лодки.

Они бежали через лес. Хотя бежали, это громко сказано. Серый взвалил на себя Ивана, тот был еще жив, но потерял сознание и истекал кровью. Одуванчик прикрывал отход.

Со стороны их позиций доносились выстрелы, потом грохнула граната, и все стихло.

- А все-таки мы их сделали.

- Заткнись и береги дыхание, - ответил друг.

По лицу хлестали ветки. Ноги то и дело норовили зацепиться за торчащие из земли корни. Пару раз он падал.

Остановились. Выдохлись.

- Носилки соорудить, один я его не допру... интересно скоро они нас догонят?

- А будут ли догонять?

- Может, и не будут, - Серый аккуратно положил Ивана на землю и принялся ломать тоненькое деревце, - Что стоишь? Давай тоже ломай жердину.

Из двух стволов, куртки и ремня от автомата, в рекордные сроки, они соорудили жалкое подобие носилок.

- К реке так к реке. Опасно это.

- А иначе не уйти. Его в больницу надо. Или к отцу.

Дальше шли молча. Одуванчик устал как собака. Ноги отваливались, в ушах до сих пор звенело. Как же вымотал его этот бой.

Интересно который сейчас час... Все вещи остались в рюкзаке. А рюкзак в окопе. Единственное, что уцелело – это диктофон в кармане. Сможет ли он прослушать потом эти записи без содрогания? Ведь на диктофоне они все живые...

Написал статью, нечего сказать. Сам чудом живой остался.

Но то, что они сегодня сделали... это не должно быть забытым и оболганным. Это подвиг. За такое медали надо давать... Ха! Размечтался. Медали. И золотое кольцо в нос. Их назовут экстремистами. Террористами. Бандитами. Да кем угодно. В западных СМИ сегодня же будет новость о нападении экстремистов на колонну миротворцев. Да что там в западных. В наших тоже. Их оболгут на всю страну. На весь мир. Их подвиг втопчут в грязь.

Подвиг. Так что же это получается – раз они совершили подвиг, то он теперь герой? Серега Одуванчиков, простой парень, журналист и вдруг герой?

Одуванчик усмехнулся, вот это номер.

- Ты чего там ржешь?

- Да подумал просто. Мы же сегодня подвиг совершили. И получается, что мы герои?

- Ага. Герои. Под ноги лучше смотри, герой.

Если они выберутся отсюда, если уцелеют, то он напишет всю правду о сегодняшнем дне. Никто и ничто не должно быть забыто. Он не позволит поливать грязью тех, с кем сегодня принял бой.

Над ними смеялись, называли их параноиками и «ура-патриотами», а ведь они оказались правы. И когда настало время, они смогли сделать выбор, этот шаг вперед. Вперед навстречу врагу. Добровольцы необъявленной войны.

А может быть, он даже напишет цикл статей. В них он раскроет всю подноготную этой войны. Все первопричины. Кто и как нас предавал и продавал. Как нас обманывали.

Ха. Герой-правдоборец. Три раза «ха». Где ты собрался публиковать свои статьи? Все СМИ давно куплены. Может, еще на телевиденье выступишь? В каком-нибудь шоу. С предателем Познером. Решил объявить информационную войну? А кишка не тонка?

Его мысли прервал донесшийся вертолетный рокот.

- Ложись! – скомандовал Серый.

Залегли.

Вертолет приближался.

Ближе. Еще ближе. Одуванчик втянул голову в плечи и кажется, даже перестал дышать. Вот ведь незадача, они ведь почти дошли до реки...

Над лесом пролетел Ми-24.

- Одуванчик, это же наши!

- А ты уверен, что эти наши еще наши, а не их?

- Не уверен.

Вертолет пролетел в сторону места побоища.

Через некоторое время до них донесся грохот взрывов.

- Неужели, он их сжег к чертовой матери?

- Говорю же – наши.

- Значит, не все еще продались.

Они вышли на берег реки. Лодки были там же, где их предусмотрительно спрятали. Вот только рядом с лодками стоял десяток автоматчиков в форме Российских вооруженных сил. А на противоположном берегу стоял БТР.

- Наши... - тихо сказала Одуванчик.

***

- Крови потерял много, но жить будет... - сказал чей-то незнакомый голос.

Иван открыл глаза. Над ним плыли облака. Он лежал на чем-то твердом. Ощутимо потряхивало. Каждый толчок отзывался в теле болью.

- Очухался.

Небо заслонило лицо. Незнакомое. Иван перевел взгляд – форма, погоны.

Лицо исчезло, но его сменило другое. Одуванчик... Улыбается.

Провал. Темнота.

Когда он опять пришел в себя, над ним не было ничего кроме неба. Иван прислушался.

- Ну, батя у нас мужик лихой, он взял да и пристрелил генерала за измену Родине. Сказал, что минобороны предатель и выполнять его преступные приказы – тоже предательство. Потом посадил всех на броню, поднял вертушки, и мы отправились к вам...

Опять провал. Опять лицо. Иван попробовал пошевелиться.

- Лежи, браток, не рыпайся. Скоро до больнички доедем. Доктора тебя враз на ноги поставят.

Опять темнота. И лица. Семен. Камрад. Витек. Санек. Сержант... Они смотрели на него и улыбались. Опять темнота. И опять лица тех, кто был с ним в том бою.

Небо.

- Суки московские всех продали нас Обаме-обезьяне...

И опять лица. Незнакомые.

- ... ой матери накрыли с вертушки и...

-...охрану под стволы и на губу...

-...а вы парни на всю голову отмороженные...

Опять провал. Холодно. И пить хочется.

-...зададим им жару...

- ...сидят вола дrouchат, приказа, говорят, не было...

-... чуть ли не в жопу их целуют...

- ...сниматься надо, а то накроют часть с воздуха...

-...без снабжения нам...

-...горят под Питером...

Темнота. В темноте костер. У костра сидит солдат, тот самый, что привиделся ему ночью.

- Мы их остановили, - сказал Иван.

- Я знаю, - ответил солдат, - вы молодцы.

Иван сел у костра. Помолчали.

- Тебе пора. Я позабочусь о твоих друзьях. Их смерть была не напрасна. Вечная память героям! – ярко вспыхнуло пламя и все исчезло.

...Все так же плыли облака и переговаривались солдаты. Иван смотрел в небо и улыбался. Сегодня они сделали первый шаг к Победе. А сколько их еще нужно сделать...

В небе с тоскливыми криками пронеслась стая птиц. Огромная, никем непобедимая страна оплакивала своих героев.

01.09.09